

Виктор Моисеевич Далин

ИСТОРИКИ ФРАНЦИИ

М.: Наука. 1981

В работе рассматриваются основные направления французской исторической мысли XIX–XX столетий. Большое внимание уделяется анализу трудов крупнейших французских историков О.Тьерри, Ф.Гизо, А.Токвиля, А.Матьеза, Ж.Лефевра, М.Блока, Л.Февра, Э.Лабрусса, А.Собуля и других, критике исторических и методологических принципов нового направления в школе «Анналов». В работе анализируется также вклад советских историков, прежде всего Н.М.Лукина, В.П.Волгина и А.З.Манфреда, в изучение Великой французской революции и других узловых событий истории этой страны.

Ответственный редактор **Б.Г. ВЕБЕР**.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Французские историки эпохи Реставрации

Токвиль и Вторая империя (К истории написания «Старого порядка»)

Изучение Великой французской революции в СССР

Кропоткин — историк Великой французской революции

Пути и перепутья Ричарда Кобба

В.П.Волгин и исследование истории французского социализма в СССР

Французские историки XX века (Судьбы школы «Анналов»)

История Франции в советской науке (1965-1975 гг.)

Мастер исторического портрета. «Наполеон Бонапарт»

А.З.Манфреда

Веб-публикация: **Vive Liberta и Век Просвещения, 2012**

Материалы об авторе и ссылки на другие его работы
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#dal>

Французские историки эпохи Реставрации

В развитии европейской исторической науки период между падением наполеоновской империи и революционными бурями 1848 г. занимает совершенно особое место. Правда, и XVIII век прошел далеко не бесследно в развитии исторической мысли — достаточно назвать имена Вико, Монтескье, Вольтера, Мабли, Кондорсе, Гердера, Юма, Гиббона. Но подъем исторической науки после 1815 г. был неизмеримо более значительным: наряду с гегелевским «Разумом в истории» эта эпоха выдвигает таких историков, как О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж.-Ш. Сисмонди, Ф. Минье, Ж. Мишле, Э. Кине, Л. Ранке, Ф. Шлоссер, Т. Маколей, Т. Карлейль, К. Ботта, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев. «Я испытал счастье, — писал в 30-х годах О. Тьерри, — увидеть то, о чем я больше всего мечтал — исторические труды завоевали себе наибольшую популярность в общественном мнении; ими занялись самые первоклассные писатели. Существовало мнение, тогда казавшееся вполне обоснованным, что именно история наложит свой отпечаток на XIX в., что она даст ему имя, как философия дала свое имя XVIII в.»¹

Этот небывалый интерес к истории после 1815 г. был совершенно понятен. В течение целой четверти века, с 1789 по 1815 г., Европа жила необыкновенно бурной жизнью: рушились троны, с небывалой быстротой перекраивались границы, возникали и исчезали государства, бой барабанов почти непрерывно слышался на огромной территории от Мадрида до Москвы. За всеокрушительным смерчем Великой французской революции и коротким торжеством свободы метеором промчался Наполеон. «Пусть каждый мыслящий человек, — писал тот же Огюстен Тьерри, — ...проверит по собственным воспоминаниям то, что он читал или слышал о событиях прошлого, и он тотчас же почувствует жизнь под пылью прошедших веков. Среди

¹ *Thierry Aug.* Dix ans d'études historiques. 5 éd. Paris, 1836, p. XX—XXI.

нас, людей XIX в., нет ни одного, кто не знал бы больше Велли и Мабли, больше самого Вольтера о восстаниях и завоеваниях, распаде империй, падении и реставрации династий, демократических революциях и сменяющей их реакции»².

Перед лицом феерической смены событий нельзя было не задуматься над смыслом истории. Эпоха научила многому: она обострила видение историков, дала им возможность в новом свете понять события самых ранних веков европейской истории, протянуть от них нити к современности, подойти к пониманию подлинных движущих сил истории.

Основные сдвиги в исторической науке произошли, совершенно естественно, прежде всего во Франции. Здесь в годы Реставрации выступила новая школа историков, оставившая яркий след в развитии науки и оказавшая, по заявлениям Маркса и Энгельса, несомненное влияние на формирование их взглядов. Историю этой школы следует начинать с Огюстена Тьерри, «отца классовой борьбы во французской историографии», по очень точному определению Маркса³.

Какую роль сыграл в формировании этих новых воззрений Сен-Симон, с которым О. Тьерри в 1814—1817 гг. был весьма близко связан, остается до сих пор недостаточно выясненным. В том, что это влияние было исключительно велико и плодотворно, не приходится сомневаться, несмотря на очень быстро наступивший между ними разрыв. Не случайно, задумываясь в 30-х годах над изданием своих сочинений, О. Тьерри хотел предпослать двум томам «*Mélanges historiques*», «*Mélanges politiques et littéraires*» статью «Мои отношения с Сен-Симоном»⁴. Плеханов был прав, когда, высоко оценивая исторические воззрения Сен-Симона, утверждал: «Насколько новы и широко были его взгляды, видно из того, что его ученик Огюстен Тьерри мог совершить чуть ли не целый переворот в разработке французской истории. Сен-Симон дер-

² *Thierry Aug.* Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1836, p. V.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 28, с. 321.

Thierry A. Augustin. Augustin Thierry, d'après sa correspondance et ses papiers de famille. Paris, 1922, p. 143; см. также: *Bernstein S.* Saint-Simon's Philosophy of History.— Science and Society, New York, 1948, vol. XII; *Кучеренко Г. С.* Сенсимонизм в общественной мысли XIX века. М., 1975 (гл. III. Сен-Симон и Тьерри).

жался того мнения, что и Гизо заимствовал у него свои взгляды»⁵.

О. Тьерри начал излагать свою новую точку зрения на историю Франции в 1817 г., когда этот «приемный сын» Сен-Симона уже порвал со своим учителем. Статьи Тьерри появились на столбцах журнала «*Le Censeur européen*»⁶, а когда издание этого органа прекратилось, он стал сотрудничать в «*Courcier français*», где в 1820 г. опубликовал десять «Писем об истории Франции». Уже в первом из них (13 июля 1820 г.), которое сам Тьерри позднее назвал своим манифестом, он с необыкновенной убежденностью доказывал необходимость полностью обновить изучение истории Франции.

⁵ *Плеханов Г. В.* Соч., т. VII, с. 87; см. также очень интересную статью, написанную им в 1895 г. к 100-летию со дня рождения О. Тьерри, «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории» (Там же, т. VIII).

⁶ Эти статьи он позднее переиздал в сборнике (*Thierry Aug.* Dix ans d'études historiques. Paris, 1834), с предисловием — своего рода исповедью.

«История Франции, как ее до сих пор излагали, — писал Тьерри, — не является ни подлинной историей страны, ни национальной, ни народной историей... Лучшая часть наших анналов, самая трудная, самая поучительная, должна быть еще написана; нам еще не хватает истории граждан, истории поданных, *истории народа* (курсив наш. — В. Д.). Историческую авансцену занимает только кучка привилегированных лиц, только о ней нам рассказывают; а между тем... прогресс народных масс в сторону свободы и благосостояния кажется нам гораздо более важным, чем действия завоевателей, и их несчастья куда более трогательными, чем бедствия королей, лишившихся своей короны... Я глубоко убежден в том, что у нас до сих пор нет истории Франции... Если бы только нашлось достойное перо для того, чтобы ее написать!»⁷ Уже тогда Тьерри определил свое подлинное призвание: «Водрузить во Франции XIX в. знамя исторической реформы»⁸.

По мнению Тьерри, «история до сих пор служит врагам наших отцов». Он стремился показать связь между тем, что пережила Франция в годы революции, и борьбой, заполнявшей страницы истории Франции в ранние века ее развития, связь, которую так упорно отказывались видеть предшествовавшие ему историки. «Нет, не вчера, — утверждал он в той же программной статье 1820 г., — Франция впервые увидела, как ее люди напрягают все свое мужество и душевные силы, чтобы создать для себя и для своих детей свободное существование. Они имеют очень давних предшественников: это крепостные, оставившие землю 700 лет назад и восстановившие стены и цивилизацию древних галльских городов. Мы, являющиеся их потомками, верим, что они чего-то стоили, что самая многочисленная и самая забытая часть нации заслуживает того, чтобы вновь жить в истории» (курсив наш. — В. Д.)⁹.

Тьерри этих первых лет — хотя уже и порвавший с Сен-Симоном, но глубоко проникнутый его идеями — действительно близок к определению, которое дал ему в 1895 г. Брюнетьер — «самый демократический» из всех французских историков. Именно тогда он пишет знаменитую статью «Истинная история Жака Простака» — призыв

создать историю французского крестьянства¹⁰. В «Письмах об изучении истории Франции» Тьерри категорически возражал тем, кто связывал распад империи Карла Великого исключительно с ошибками королей, его преемников. «Все было делом национального духа и того импульса, который исходит от масс и которому ничто не может противостоять. Народные массы, когда они приходят в движение, не отдают себе точного отчета в том, что ими движет... При поверхностном рассмотрении может показаться, что они слепо следуют за каким-нибудь вождем, чье имя только и сохраняет история»¹¹. Но это представление глубоко ошибочно — оно игнорирует большинство (*le grand nombre*) и его определяющую роль.

Правда, позднее Огюстен Тьерри все больше становится, по правильному определению Р. Ю. Виппера, историком французской буржуазии¹². Но, как бы то ни было, водрузив первым знамя «исторической реформы», Тьерри внес во французскую историческую науку совершенно новый дух¹³.

Две основные темы привлекали в дальнейшем главное внимание Тьерри, и обе были связаны с его новыми историческими воззрениями. Одна из них — это роль завоевания в истории Англии и Франции, другая — революция

¹⁰ *Thierry Aug. Histoire véritable de Jacques Bonhomme.* — In: *Thierry Aug. Dix ans...*, p. 255—264.

¹¹ *Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France*, p. 213.

¹² См. вступительную статью Р. Ю. Виппера к русскому изданию: *Тьерри О.* История происхождения и успехов третьего сословия во Франции. М., 1899, с. 31. О взглядах Тьерри и всей школы историков эпохи Реставрации см. также: *Бузескул В. П.* Французские историки 30-х годов XIX столетия и их отношение к революции 1830 г. — Изв. АН СССР. Сер. гуманитар. наук, 1931, № 7, и введение О. Л. Вайнштейна к Избранным сочинениям О. Тьерри (М., 1937). Отметим содержательную монографию о французских историках 20—30-х годов XIX столетия: *Резов В. Г.* Французская романтическая историография. Л., 1956. Однако объединение таких совершенно разнородных историков, как Барант, Тьерри, Гизо, Минье, Тьер, Кине, Мишле и даже Кузен, в единое «романтическое» направление представляется нам неубедительным.

¹³ В предисловии к своим «Письмам об истории Франции» Тьерри отмечал, что он опубликовал первые десять писем, когда «еще не было „Истории французов“ Сисмонди, „Опытов по истории Франции“ Гизо, „Истории бургундских герцогов“ Баранта... произведений, явившихся подлинной революцией в своем подходе к написанию истории Франции» (*Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France*, p. 111).

⁷ *Thierry Aug. Dix ans...*, p. 275—276.

⁸ *Ibid.*, p. XII.

⁹ *Ibid.*, p. 279.

французских коммун в XI—XII вв. и их последующее развитие¹⁴.

Одна из первых статей Тьерри, посвященных истории Франции, была озаглавлена «О враждебности рас, которая разделяет французскую нацию»¹⁵. Свой крупнейший труд, написанный в первой половине 20-х годов (напряженнейшая работа над ним оказалась для Тьерри роковой — он почти лишился зрения ко времени его завершения и окончательно ослеп к концу 20-х годов), — «Завоевание Англии норманнами» Тьерри посвятил выяснению основного, по его мнению, конфликта в истории Англии — конфликта между двумя расами: победителей — норманнов и побежденных — англосаксов. Английскую революцию XVII в. Тьерри склонен был тогда рассматривать как завершение этого многовекового конфликта. В подобном расовом конфликте Тьерри еще в 30-х годах видел как бы ключ к пониманию средневековой истории Франции, по крайней мере в период первых двух династий. В предисловии к своим «Рассказам из меровингских времен», вышедшим уже в 1840 г., Тьерри по-прежнему утверждал, что «оригинальный характер» этой эпохи состоит в «антагонизме рас»¹⁶. За несколько месяцев до смерти, готовя новое издание «Завоевания Англии», Тьерри упорно не хотел отказаться от объяснения конфликта Томаса Бекета с Генрихом II англосаксонским происхождением первого, хотя к тому времени было уже точно установлено, что Бекет сам принадлежал к норманнам¹⁷.

Но, несмотря на все это, было бы совершенно неправильно относить Тьерри к сторонникам расовой теории, хотя такой упрек еще в 30-х годах XIX в. делал ему Жюль Мишле. Вся теория завоевания, подчеркивание расового

конфликта служили Тьерри только гипотезой, попыткой объяснения происхождения классов. В истории завоевания он искал корни образования классов. «Высшие и низшие классы, — писал Тьерри в своем «Завоевании Англии», — которые с таким недоверием следят друг за другом... являются не чем иным, как народами-победителями и народами, побежденными в предшествующие эпохи»¹⁸. Когда, захлопнув книгу Юма об истории Англии, Тьерри, по собственному рассказу, воскликнул: «Все это имеет своим началом завоевание», — он имел в виду генезис классового общества. Он исходил при этом из формулы Сен-Симона: «Собственники являются потомками франков, фермеры — потомками галлов». И в Англии, и во Франции, по мнению Тьерри, «высшие классы, привилегированные — это победители и их потомки; побежденные, лишенные собственной земли и свободы, живущие на оружии, а трудом... это — горожане и сервы. Серваж — это великая несправедливость прошедших веков, результат вторжения, завоевания одной расы другой»¹⁹. Своей задачей он ставил написать «эпопею побежденных».

Эти взгляды Тьерри, как небо от земли, были далеки от расовой теории Гобино, обосновавшего в 1853 г. извечное превосходство белой расы над всеми остальными. В истории завоеваний, в столкновении рас Тьерри искал только объяснение глубокого классового конфликта, раздирающего общество в его историческом развитии. Ход истории приводит к постепенному преодолению этого первоначального конфликта: английская революция XVII в. и французская революция XVIII столетия были окончательным реваншем «побежденных». Такое представление о роли завоевания и расовых конфликтов для объяснения возникновения классов было, конечно, глубоко ошибочным — и именно это Маркс имел в виду, когда писал в 1852 г. Вейдемейеру, что в отличие от своих предшественников он показал, что «существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства...»²⁰. Но как ни велики были эти ошибки

¹⁴ «Были две проблемы, которые являлись как бы стержнем, вокруг которого вращалась теория нашей древней истории... Это вопрос о социальных последствиях вторжения франков в Галлию и о происхождении средневековых коммун. Первый доминирует над всей историей французского общества, второй — над всей историей третьего сословия... В начале моих исторических занятий какой-то инстинкт привлек меня к этим двум основным вопросам; им посвящено большинство моих работ в течение всей моей жизни» (*Thierry Aug. Considérations sur l'histoire de France. — Oeuvres, Paris, 1851, vol. VII, p. 177—178*).

¹⁵ *Thierry Aug. Sur l'antipathie de race qui divise la nation française. — Censeur Européen, 1820, 2 avr.* (перепечатана в кн.: *Thierry Aug. Dix ans...*).

¹⁶ *Thierry Aug. Récits des temps mérovingiens. Préface. p. II.*

¹⁷ *Thierry A. Augustin. Op. cit.*

¹⁸ *Thierry Aug. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Paris, 1830, vol. I, p. V.*

¹⁹ *Ibid.*, p. IX—X; см. также у Гизо: «Франки и галлы, сеньеры и крестьяне, дворяне и разночинцы» (*Pouthis Ch.-A. Guizot pendant la Restauration. Préparation de l'homme d'Etat, 1814—1830. Paris, 1923, p. 268*).

²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 28, с. 427.*

Тьерри, они были только неудачным применением той новой теории о роли классов, которую он пытался обосновать.

Зато во всем блеске предстает отец «классовой борьбы во французской историографии» в освещении другой темы, которая, по признанию самого Тьерри, с самого начала его деятельности как историка «влекла к себе неотразимо»²¹ и в которой проявились все его «плебейские симпатии»²² — история борьбы французских коммун в XI—XII вв. за свое освобождение от сеньориальной зависимости. Это освобождение коммун было, по мнению Тьерри, «подлинной социальной революцией, прелюдией всех тех, которые постепенно возвысили третье сословие»²³; оно являлось «самым крупным социальным движением между установлением христианства и французской революцией»²⁴. Эти свои труды Тьерри рассматривал как «долг сыновней почтительности, рассказ о бурной жизни предшественников французской буржуазии (курсив наш. — В. Д.)... Я добивался... своего рода реабилитации для средних и низших классов, для предков третьего сословия, забытых нашими современными историками... Разночинец (roturier) по происхождению, я требовал, чтобы разночинцам была возвращена их доля славы в нашей истории»²⁵.

Тьерри настойчиво подчеркивал эту идею о дремственности между буржуазией XVIII в., совершившей революцию, и буржуазией XI—XII вв., отвоевавшей независимость коммун: «Средний класс, или народные классы родились не вчера... Не хотят признавать всего того великого и благородного, что было в восстаниях, которые между XI и XIII вв. покрыли всю Францию коммунами, в буржуазных восстаниях и даже (? — В. Д.) в жакериях XIV в.»²⁶.

Для О. Тьерри 20-х годов — ранней и наиболее яркой полосой его творчества, когда сильнее всего сказывалось влияние Сен-Симона, — очень характерно подчеркивание того, что освобождение коммун явилось результатом инициативы снизу, результатом буржуазных восстаний, а не вмешательства королевской власти. «Наши исто-

рики, — подчеркивал он в своих «Письмах об истории Франции», — приписывают результаты народных восстаний политике королей и превращают в административную реформу одно из наиболее бурных движений в демократическом духе»²⁷. Понять сущность происшедшего в XI—XII вв. могут только те, кто, «как мы», были свидетелями «устрашающего возрождения этого духа восстания против существующего порядка... В том великом движении, из которого вышли коммуны, или средневековые республики, все — и мысль и ее осуществление — было делом купцов и ремесленников, составлявших население городов»²⁸. «Открытая сила (force ouverte), а не вмешательство королевской власти» явилась решающим фактором в освобождении коммун от сеньориальной зависимости. Этот тезис тогда же, в 1820 г., встретил критику Ф. Гизо, а позднее одобрение Маркса.

Истории освобождения коммун и формирования буржуазии посвящены лучшие работы Тьерри — большая часть этюдов, вошедших в его сборники «Десять лет» и «Письма об истории Франции», его завершающий труд «История происхождения и успехов третьего сословия», вышедший за три года до смерти. Человек огромного таланта, поразительной силы исторического воображения, Тьерри, этот, по мнению Чернышевского, «гениальный писатель»²⁹, произвел сильное впечатление на всю Европу³⁰. «Читая „Историю завоевания Англии норманнами“ Огюстена Тьерри, как его же „Рассказы о временах меровингских“, — восторженно писал Белинский, — думаешь, что читаешь роман Вальтера Скотта; а между тем в этих сочинениях знаменитого историка французского нет ни одной черты, которая не основывалась бы на фактах и не подтверждалась бы хрониками; но и те, которым коротко и ученым образом знакомы были эти хроники, в творениях Тьерри впервые познакомились с той и другой эпохой, удивляясь, что в этих творениях могло оказаться столько

²⁷ Ibid., p. 224.

²⁸ Ibid., p. 230.

²⁹ Чернышевский Н. Г. Соч., М., 1947, т. III, с. 737.

³⁰ «„Письма об истории Франции“ были манифестом целого нового направления в истории. Вслед за ними появилась „История завоевания Англии норманнами“, составившая эпоху не только во французской, но и во всей европейской историографии» (Петров М. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861, с. 270).

²¹ Thierry Aug. Dix ans..., p. XXIV—XXV.

²² Ibid., p. IV.

²³ Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France, p. 111.

²⁴ Thierry Aug. Dix ans..., p. XIII.

²⁵ Thierry Aug. Lettres sur l'histoire de France, p. 6.

²⁶ Ibid.

жизни, поэзии и разумности»³¹. Не только пылкий Белинский, но и гораздо более сдержанный и несвободный от зависти Леопольд Ранке в 1886 г. уже в ореоле славы вспоминал: «Я признаю, что первые книги Огюстена Тьерри своей формой вызвали мое восхищение. Я говорил себе: мы не способны дать что-либо подобное». Но не менее яркое и еще более глубокое впечатление произвели на современников труды и других французских историков, выступивших вслед за Тьерри, и прежде всего Франсуа Гизо.

О. Тьерри опубликовал первую серию своих «Писем об истории Франции» в 1820 г. А уже в 1821 г. Сисмонди выпускает первый том своей «Истории французов». В 1822—1823 гг. появляются «Опыты по истории Франции» Гизо (вышедшие сперва как приложение к переизданию Мабли) и первый том истории французской революции А. Тьера. В 1824 г. выходит «История бургундских герцогов» Баранта — произведение, имевшее в те годы крупнейший успех, и «История французской революции» Франсуа Минье. В 1825 г. появляется «История завоевания Англии норманнами» О. Тьерри. В 1826 г. Гизо публикует первые два тома своей истории английской революции. В 1827 г. Тьерри издает «Письма об истории Франции», а Тьер заканчивает выпуск своей четырехтомной истории революции. В 1828 г. Гизо возобновляет преподавание в Сорбонне, в результате чего появляются его знаменитые книги «История цивилизации в Европе» и «История цивилизации во Франции». Редко случается, чтобы на протяжении одного десятилетия выступила сразу такая блестящая плеяда историков. Для развития исторической науки это были «такие десять лет, каких Франция раньше никогда не знала», — так оценивал их О. Тьерри в 1840 г.³²

³¹ Белинский В. Г. Соч., т. 12, с. 402. В личной библиотеке Белинского были «Histoire de la conquête de l'Angleterre» и «Dix ans d'études historiques» (изд. 1835 г.) (см. Литературное наследство, т. 55, с. 568). Большое влияние оказал Тьерри и на Т. Н. Грановского. С. М. Соловьев в студенческие годы перевел первый том «Завоевания Англии» на русский язык.

³² Thierry Aug. Considérations sur l'histoire de France.— In: Thierry Aug. Oeuvres. Paris, 1851, vol. VII, p. 157; см. Tranchon H. Les études historiques et la philosophie de l'histoire aux alentours de 1830.— Revue de synthèse historique, 1922, t. XXXIV; см. также направленные против Полевого «Записки москвича», опубликованные в 1829—1830 гг.: «В громе спора беспрестанно

Нет никаких сомнений в том, что из всей этой плеяды наибольшее влияние на развитие исторической мысли в Европе, и в частности в России, оказал Франсуа Гизо. В судьбах орлеанской монархии он сыграл очень зловещую роль, и его политика на посту министра иностранных дел и премьер-министра была одним из немаловажных факторов, обусловивших падение трона Луи-Филиппа. Далеко не всякий великий историк, как язвительно писал Сент-Бев, оказывается великим политиком. Но историком Гизо был очень одаренным, и на протяжении нескольких десятилетий его влияние было исключительно велико. Не слишком эмоциональный человек Михаил Петрович Погодин писал в 1831 г. Шевыреву: «Это время я все писал сказки и читал Гизо, с которым должна начаться новая эра в истории... со светильником Гизо как удобно теперь рассматривать всякую историю... Читал Гизо, и от его прикосновения электричество пробегает по моим членам»³³. В 1848 г. еще более восторженно отзывался о Гизо Н. Г. Чернышевский. «Читал „Цивилизацию Франции“ Гизо,— записывает он в дневнике 12 августа.— Превосходно! Великий человек! Я много о нем и судьбе его думаю»³⁴. Под сильнейшим впечатлением «Истории цивилизации во Франции» он делает запись: «Я дочитал историю (3-й том) Гизо... Великий человек, он... решительно убедил меня в своих мнениях, которые излагает там,— человек гениальный решительно, что за светлость ума и взгляда, что за сила в мыслях, что за логика в доказательствах... Рок увлек этого человека! Но я верю в совершенную чистоту его»³⁵. Десятки записей о Гизо содержит дневник Чернышевского за этот год. В них встречаются и глубокие критические замечания, но чаще всего при чтении все новых произведений Гизо повторяется та же оценка: «Прекрасно, так что увлекаюсь, и видно, что писатель велик, как и мыслитель велик»³⁶.

раздавались голоса: какое новое поколение... Гизо! Тьерри! Минье! Нибул! Барант! Кузен, Шлегель» (Нечаева В. В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». М., 1954, с. 426).

³³ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890, кн. 3, с. 255; см. также превосходную статью Г. В. Плеханова «М. П. Погодин и борьба классов» (Плеханов Г. В. Соч., т. XXIII, с. 58).

³⁴ Чернышевский Н. Г. Соч., М., 1939, т. I, с. 84.

³⁵ Там же, с. 161—162.

³⁶ Там же, с. 155.

Поистине огромное влияние оказал Гизо на крупнейшего русского историка XIX в. С. М. Соловьева. «Из всех представителей европейской историографии никого не ставил он так высоко, как Гизо», — вспоминал ближайший ученик Соловьева В. О. Ключевский³⁷. Но и на самого Ключевского сильнейшее впечатление произвела «История цивилизации в Европе» Гизо, и именно эту книгу он, по собственному признанию, считал одним из источников своего «социально-исторического прозрения»³⁸.

Почти одновременно с Чернышевским «Историю цивилизации в Европе» читал и Ипполит Тэн. Чтение ее было для Тэна подлинным откровением. Он писал: «Я начал поиски общих законов в истории»³⁹. Десять лет спустя та же книга находит еще одного восторженного читателя в лице будущего виднейшего русского историка И. В. Лучицкого. В ранней юности он увлекался математикой, но в седьмом классе, судя по его автобиографическим записям, использованным Е. Тарле, «в руки Ивана Васильевича попали книги Гизо («История цивилизации в Европе») и Шлоссера («История XVIII века»). Эти книги произвели в его умственной жизни полный переворот»⁴⁰.

Тэн не случайно, прочтя Гизо, начал искать «общие законы в истории». В своих лекциях в Сорбонне в начале 20-х годов Гизо подчеркивал: «Если старые хроники вновь обрели в наших глазах свою прелесть, то *широкие конструкции философии истории остаются настойчивой потребностью нашего ума*» (курсив наш. — В. Д.). Сила влияния Гизо определялась прежде всего именно тем, что он пытался создать такую «конструкцию философии истории». Как историк Гизо безусловно во многом уступал О. Тьерри — у него не было той «дивинации», той огромной силы исторического воображения, которая так пленяла Белинского. В «живости исторической фантазии у

него (Гизо. — В. Д.) положительный недостаток», — с полным основанием констатировал в 1861 г. М. Петров⁴¹.

Но Гизо превосходил в 20-х годах всех своих современников способностью к историческим обобщениям, хотя он и предостерегал всех, в том числе и себя, от «стремления к поспешному обобщению» («*généralisation précipitée*). Превосходную характеристику дал ему В. О. Ключевский: «Гизо — это был громадный ум, умевший чутко в организме жизни схватывать ее костяк, скелетный строй, т. е. тот скрытый остов, запас основных идей, чувств и интересов, на котором держится весь изменчивый порядок общежития. Это историк-анатом... У него были X-лучи в уме»⁴².

Убежденный пуританин, искренне уверенный в силе божественного провидения, Гизо не испытывал ни малейших сомнений в целесообразности всего всемирно-исторического развития. Именно эта убежденность помогала Гизо бесстрашно, со всей силой его холодного, аналитического ума, вскрывать диалектику развития отдельных исторических эпох, преодолевать слабости даже наиболее одаренных представителей «морализирующей истории», отвергавших во имя нравственных критериев какое бы то ни было значение и смысл целых периодов, несколько ближе других подойти к пониманию закономерностей исторического развития.

За несколько недель до июльской революции 1830 г. Гизо писал своей второй жене: «Когда установились мои взгляды, я стал думать главным образом об общем целом, о судьбе человечества, о... законах, цели его развития». Эти судьбы не внушали ему ни малейших опасений: «Я вижу присутствие бога в законах, управляющих прогрессом человеческого рода, столь же несомненное, столь же очевидное, по-моему, даже более очевидное, чем в законах, определяющих восход и заход солнца...; с истории человечества есть для меня пробелы, огромные и обелы, но тайн для меня нет. Я многого не знаю, но поймаю все: миллионы событий мне неизвестны, но ни один меня не

³⁷ Ключевский В. Соч., М., 1959, т. 7, с. 131.

³⁸ См.: Виннер Р. Ю. Памяти великого ученого. — Русские ведомости, 1911, 17 мая; см. также Зимин А. А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского. — Исторические записки, 1961, т. 69, с. 182; См. также нашу статью «Ф. Гизо и развитие русской исторической мысли» в кн.: Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970.

³⁹ Mathiez A. Taine historien. — Revue d'histoire moderne, Paris, 1907, t. VIII, № 4, p. 267; см. также: Taine H. Vie et correspondance. Paris, 1902, t. I, p. 22.

⁴⁰ Тарле Е. В. И. В. Лучицкий. — Голос минувшего, 1914, № 1, с. 44.

⁴¹ Петров М. Указ. соч., с. 262.

⁴² Рукописный отдел ГБЛ, ф. 131 (В. О. Ключевский го), л. 14/28. Выдержки из этой записи впервые опубликованы в работе: Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966, с. 208.

«Идея прогресса, развития кажется мне основной идеей, содержащейся в понятии цивилизация», — утверждал Гизо в «Истории цивилизации в Европе»⁴⁵. «Когда знакомишься с европейской цивилизацией в целом, она оказывается неизмеримо богаче любой другой. Вот уже 15 столетий как она развивается и все еще находится в состоянии *непрерывного прогресса*» (курсив наш. — В. Д.)⁴⁶. В истории человечества не было ни одной случайной или бессмысленной эпохи, не было ничего излишнего. «Феодальный строй в X в. был необходимым и единственно возможным общественным состоянием»⁴⁷. «Чем был феодализм, тем он и должен был быть; то, что он сделал, он должен был сделать»⁴⁸. Такое слепое признание целесообразности каждого шага в истории вызвало позднее у Чернышевского, когда он освободился от первоначального восхищения Гизо, резкий протест. Но эта глубокая убежденность в наличии закономерностей истории, в присутствии ей логики развития, это утверждение, что «общество никогда не распадается прежде, чем в его среде не создается новое»⁴⁹, не могли не импонировать читателям Гизо. «Приятно находиться на корабле в бурю, когда знаешь, что не погибнешь», — это заявление Гизо охотно цитировал Г. В. Плеханов.

Признание исторической закономерности — его отстаивал в конце 20-х годов очень близкий к Гизо известный эклектик Виктор Кузен, испытавший на себе сильнейшее влияние Гегеля, — было далеко не единственной чертой, определявшей особенности Гизо как историка⁵⁰. Вслед за Тьерри он признавал необходимость изучения «гражданской истории», общественных отношений. Изучению чисто политической истории должно предшествовать изучение «устройства общества»; «политический строй,

удивляет» (курсив наш. — В. Д.)⁴³. Конечно, в этой фразе очень много чрезвычайно характерного для Гизо претенциозного самомнения. Он глубоко заблуждался: тайн и для него оставалось еще очень много, и история предуготовила ему огромное количество неожиданностей. Но только эта твердая убежденность позволила Гизо создать «конструкцию философии истории», своей ясностью и логичностью пленявшую крупнейших историков на протяжении нескольких десятилетий⁴⁴.

⁴³ *De Witt, née Guizot. Monsieur Guizot dans sa famille et avec ses amis.* Paris, 1880, p. 117; см. также: *Резюэ Б. Г.* Указ. соч., с. 183.

⁴⁴ Эта чрезмерная «логичность» вызывала ироническую критику Сент-Бева: «История, рассматриваемая издали, подвергается поразительной метаморфозе; она создает самую опасную из всех иллюзий — что история рациональна. Неудачи, борьба самолюбий, тысяча странных случайностей, которые и составляют ее, исчезают. Каждый случай превращается в необходимость. История Гизо слишком логична, чтобы быть истинной. Чтобы напомнить себе подлинный характер событий, нужно взять Ретца» (*Sainte-Beuve. Causeries de lundi*, p. 182). Сент-Бев имеет в виду «Мемуары кардинала Ретца», характеризующие Францию эпохи Фронды. Кстати, эти мемуары были в библиотеке Маркса.

⁴⁵ *Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire romain jusqu'à la révolution française.* Paris, 1863, p. 14.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 35.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 87.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 109.

⁴⁹ *Guizot F. Histoire de la civilisation en France*, vol. I, p. 314.

⁵⁰ Из работ о Гизо, кроме исследования Пугаса, впервые использовавшего богатейший личный архив Гизо (*Pouhas Ch.-A. Guizot pendant la Restauration.* Paris, 1923), см.: *O'Connor M. C. The Historical Thought of Fr. Guizot.* Washington, 1955; *Johnson D. Guizot. Aspects of French History (1787—1874).* London; Toronto, 1963.

по необходимости, является выражением, отражением общественного строя»⁵¹. К этой мысли Гизо возвращается неоднократно. «Разумнее изучать прежде всего самое общество, чтобы узнать и понять политические учреждения. Прежде чем стать причиной, учреждения являются следствием; общество создает их прежде, чем они начинают его видоизменять»⁵². Разумеется, для правильной оценки Гизо-историка нужно не забывать, что эти здравые идеи постоянно переплетаются у него с чисто идеалистическим и даже теологическим пониманием истории, неизбежно вытекавшим из всего пуританского мировоззрения Гизо.

Интерес к изучению материальных, и прежде всего экономических, отношений обнаруживается у него очень рано. В 1812 г. Гизо — ему было всего 25 лет — был привлечен впервые к преподаванию в Сорбонне. Уже тогда в письме к своему близкому другу, будущему историку Фориэлю (ставшему и ближайшим другом О. Тьерри), Гизо, отмечая, что «история является главным предметом его занятий», подчеркивал: «В средние века, как и сейчас, была политика, политическая экономия, администрация, земледелие. Они были неизвестны как науки, но они существовали, они определяли судьбы мира; мы должны их изучать сейчас во всеоружии знаний... Я убежден в этом и примусь за их изучение»⁵³. В первые годы Реставрации Гизо был занят государственной деятельностью, но, когда превратности политической жизни вновь вернули его к истории, он снова проявил интерес к экономическим вопросам. В 1820 г., ознакомившись с работами Гюльмана, он писал тому же Фориэлю: «Гюльман стоит большего, чем это Вам кажется. Его взгляды неполны и потому наполнены неверны. Но у него можно научиться и идеям и фактам. Он очень хорошо показал влияние преобладания земледелия (*prédominance du système agricole*) на политический строй и, пользуясь этой нитью, улачно проследил смену (*les vicissitudes*) различных общественных отноше-

ний»⁵⁴. Любопытно, что многочисленными исследованиями Гюльмана интересовался позднее и Маркс⁵⁵.

Особенности своего подхода к истории Гизо формулировал так: «Я говорил о значении моральных факторов... Но есть ряд совершенно противоположных соображений, которыми до сих пор слишком пренебрегали: я имею в виду материальные условия общества... До сих пор недостаточно считались с изменениями, которые вносят крупные кризисы в материальное существование людей... Эти изменения имеют гораздо больше влияния на все общество, чем думали до сих пор... Это все факты, имеющие исключительное значение: простое изменение в материальной жизни мощно воздействует на цивилизацию. Каждая великая революция вносит в общественный строй изменения этого рода, и с ними нужно обязательно считаться»⁵⁶. Можно не сомневаться, что именно эти мысли Гизо (как и Тьерри) имели в виду Маркс и Энгельс, когда писали в «Немецкой идеологии» о том, что «французы и англичане... сделали первые попытки дать историографии материалистическую основу, впервые написав истории гражданского общества, торговли и промышленности»⁵⁷.

В исторических работах Гизо 20-х годов разбросано немало интересных замечаний, свидетельствующих об известном приближении к пониманию роли экономических и социальных факторов в истории. Так, говоря о последствиях крестовых походов, Гизо подчеркивал уменьшение числа небольших доменов и концентрацию собственности: «...в результате крестовых походов формируют-

⁵¹ *Guizot F. Histoire des origines du gouvernement représentatif. Paris, 1822, t. II, p. 290.*

⁵² *Guizot F. Essais sur l'histoire de la France. Bruxelles, t. I. 1837, p. 87.*

⁵³ *Guizot F. Lettres à Fauriel. Publiées par A. et K. Glachant. — La Nouvelle revue, 1901, t. XII, N 52, p. 349.* Пугас отмечает интерес Гизо к экономическим явлениям еще в 1808 г., когда он готовил издание книги Грббона. См.: *Pouthas Ch. La jeunesse de Guizot. Paris, 1936, p. 359.*

⁵⁴ *Guizot F. Lettres à Fauriel. — La Nouvelle revue, 1901, t. XII, N 52, p. 353.* Возможно, что Гизо читал исследование Гюльмана (*Hüllman K. D. Geschichte des Ursprungs der Stände in Deutschland. Berlin, 1806—1808. Bd. 1—2*). Основную мысль Гюльмана харьковский историк М. Н. Петров излагал так: «Так как господствующее промышленное занятие народа усиливает обыкновенно его общественное устройство, то не удивительно, что в древней Германии оно развивалось под влиянием заметного преобладания сельскохозяйственного быта над промышленным и городским. Оттого устройство это было там только подражанием, в больших размерах и в более развитых и сложных формах, устройству обыкновенного сельского хозяйства или имения. Все выводы опираются на добросовестное изучение источников» (*Петров М. Указ. соч., с. 69*). Гюльмана изучал также С. М. Соловьев.

⁵⁵ См.: *Далин В. М., Непомнящая Н. И. Исторические книги в библиотеке Маркса. — В кн.: Маркс-историк. М., 1968.*

⁵⁶ *Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, p. 91.*

⁵⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 27.*

ся и увеличиваются крупные феодалы». Рост крупных городов также связан был с тем, что крестовые походы сильно подтолкнули мировую торговлю⁵⁸. Крестовый поход против альбигойцев во главе с Симоном Монфором в начале XIII в. Гизо рассматривал как «борьбу феодалов севера против попытки демократической организации юга». Его важнейшим социальным последствием явилось восстановление на юге Франции феодального строя.

Рассматривая историю английской революции, Гизо в 20-х годах — позднее он резко изменил свою позицию — отводил известное место анализу социальных сил, действовавших в Англии XVII в. Он отмечал чрезвычайно быстрый торговый расцвет Англии, а с другой стороны, поразительный рост количества новых земельных собственников из среды мелкого дворянства («джентри») и буржуазии. Палата лордов (т. е. высшее дворянство) в начале XVII в., по мнению Гизо, была гораздо менее богатой, чем палата общин. Одновременно происходили развитие промышленности и крупнейшие перемещения среди земельных собственников. По словам известного английского историка К. Хилла, в работах Гизо по истории английской революции проявилось «больше понимания классовых сил в революции, чем в трудах большинства современных английских историков»⁵⁹.

Гизо вслед за Тьерри рассматривал муниципальные революции XII в. как важнейшее звено в истории формирования французской буржуазии. Правда, уже в 1820 г., сейчас же после опубликования первых «Писем» Тьерри в «*Courrier français*», выявились разногласия в вопросе об отношении к королевской власти и «муниципальным революциям». Тьерри, как мы помним, отводил главную роль в завоевании независимости коммун действиям самой буржуазии, ее борьбе; королевская власть, по его мнению, выступала как союзница коммун только в отдельных случаях, движимая исключительно соображениями расчета. Гизо — и в этом, конечно, сказались его

ограниченные классовые и политические симпатии — очень настороженно отнесся к этому выводу. «Почему г. Тьерри,— писал он Клоду Фориэлю 25 октября 1820 г.,— в своей последней статье настаивает на том, что короли не имели отношения к освобождению коммун и, подобно сеньорам, только уступали силе... Я мог бы привести много фактов из прошлого, которые, по моему мнению, противоречат мнению Тьерри... Но факты более близкие, история парламентов и установления абсолютной власти на развалинах власти и прерогатив аристократии, говорят в пользу существования длительного союза между королями и третьим сословием. Оно ошибалось, когда, чтобы спастись от аристократии, поддерживало королевскую власть в надежде, что короли сохранят ему свободу. XVII и XVIII века обнаружили эту ошибку. Но и короли ошиблись, предположив, что после того, как они окажут содействие развитию третьего сословия и его освобождению от крупных сеньоров, они станут навсегда неограниченными хозяевами. Революция показала им это»⁶⁰. В этом споре Гизо-политик, Гизо — защитник и апологет конституционной монархии явно превалирует над Гизо-историком; политика диктует историку точку зрения.

Эта стычка уже тогда, в 1820 г., обнаружила противоречия, присущие школе историков эпохи Реставрации. Но тогда это разногласие (позднее Тьерри приблизился к точке зрения Гизо) оказалось мимолетным. В «Истории цивилизации в Европе» Гизо, наоборот, подчеркнул свою солидарность Тьерри именно в вопросе о значении восстаний для освобождения коммун: «Я говорю восстание и делаю это намеренно. Освобождение коммун было результатом восстания, подлинной войны, развязанной населением городов против своих сеньоров... Хотя все оставалось в местных рамках, но благодаря освобождению повсюду возникал новый класс. Образование сильного социального класса буржуазии (*formation d'une grande classe sociale de la bourgeoisie*) было необходимым результатом локального освобождения буржуа... Это был класс европейской буржуазии на первых ступенях его развития»⁶¹. Гизо считал одним из важнейших результатов освобождения коммун «*борьбу классов, борьбу, которая наполняет*

⁵⁸ Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, p. 212—213. Один из знатоков экономической истории Франции, Анри Озе, считал, что Гизо в своих лекциях по истории римской Галлии дал одним из первых «образец изучения экономической истории» (*Hauser H. L'histoire économique de l'ancienne France.*— In: *Travailleurs et marchands dans l'ancienne France.* Paris, 1923, p. 10—11.)

⁵⁹ Hill Ch. The English Civil War Interpreted by Marx and Engels.— *Science and Society*, 1948, t. XII, p. 132; см. также: Johnson D. Op. cit., p. 352.

⁶⁰ Guizot F. Lettres à Fauriel.— *La Nouvelle revue*, 1901, t. XII. Впервые это письмо было опубликовано в 1885 г. Жюлем Симоном (*Simon J. Thiers, Guizot, Rémusat.* Paris, 1885, p. 24).

⁶¹ Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe, p. 181—182.

всю новую историю. Новая Европа родилась из борьбы общественных классов» (курсив наш. — В. Д.)⁶².

Маркс недаром даже в 1850 г., когда Гизо как политический деятель успел уже вызвать всеобщее негодование, критикуя его работу «Почему удалась английская революция?», относил Гизо к числу самых умных людей старого порядка, к числу тех, «кому ни в коем случае нельзя отказать в своего рода таланте историка»⁶³.

Несомненно, что Марксу уже в 40-х годах были хорошо известны основные труды Гизо (они были в его парижской библиотеке⁶⁴), и он изучал их с большим интересом. К мнениям, неоднократно высказанным Марксом в печати, к его высказываниям в переписке, к факту наличия книг Гизо в библиотеке Маркса можно добавить также авторитетное свидетельство Г. В. Плеханова: «Пишущий эти строки из личных бесед с Энгельсом знает, что как сам Энгельс, так и Маркс считали себя во многом обязанными научным трудам того же Гизо и других французских историков времен Реставрации» (курсив наш. — В. Д.)⁶⁵.

Школа французских историков эпохи Реставрации не могла, разумеется, не коснуться и Великой французской революции, вокруг оценки которой шла тогда ожесточеннейшая схватка и идей, и совершенно реальных, материальных интересов. Н. И. Кареев был прав, когда указывал, что только в годы Реставрации «начинается настоящая научная разработка прошлого Франции, в которой нашло свое место и изучение французской революции»⁶⁶. Оно связано прежде всего с именами А. Тьера и Ф. Минье, хотя нужно признать, что в книге Ф. Буонарроти «Заговор во имя равенства», вышедшей в 1828 г., содержался великолепный очерк истории революции, который высоко оценил позднее А. Матвез.

Успех четырехтомной работы Тьера в первое десятилетие после ее опубликования был очень велик. Но ее научные недостатки, вследствие которых она в отличие от его же «Истории консульства и империи» очень скоро была предана забвению, довольно быстро были замечены уже

современниками. Томас Карлейль очень язвительно отметил, что Тьер если он и делает какие-нибудь ссылки, то только на целые книги; он никогда не снисходит до указания не только страниц, но даже глав. По мнению Карлейля, книги Тьера могли быть полезны только для людей, ничего не знающих об истории революции⁶⁷. «Тьер в смысле исторической достоверности и даже правильности оценки, — писал Энгельс в 1851 г., — ни на волос не выше даже жалкого тори Саути»...⁶⁸ Чрезвычайно мягкий в своих суждениях Н. И. Кареев считал, что «исторический оппортунизм доведен Тьером до крайних пределов... Если одерживалась победа, значит, так и надо было: победителей не судят, тому же, что потерпело поражение, туда и дорога»⁶⁹.

Другой оценки заслуживает в исторической перспективе труд Минье. «Из буржуазных историков, — писал Энгельс Домеле Ньювенгейсу в 1886 г., больше чем через 60 лет после появления книги, — я по-прежнему предпочитаю Минье»⁷⁰. И это не случайно. В изложении фактов и исторических подробностей Минье неизмеримо более скуп, чем Тьер. Но уже Тьерри считал главным достоинством Минье как историка то, что он «наделен поразительным талантом обобщения фактов»⁷¹.

Значительно уступая Тьерри в отношении живости исторического воображения, а Гизо — в глубине исторического анализа, Минье создал все же очень цельную, ясную, хоть и краткую, историю революции, проникнутую глубокой убежденностью в закономерности всего хода событий. Это вызвало у критиков Минье (и еще больше у критиков Тьера) обвинение в своеобразном фатализме.

⁶⁷ См.: Gooch G. P. History and Historians in the XIX Century. 3rd ed. London, 1952, p. 191.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 188.

⁶⁹ Кареев Н. И. Указ. соч., т. 1, с. 120.

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 36, с. 370. В архиве ИМЛ сохранился экземпляр труда Минье с отчеркиваниями и замечаниями Энгельса.

⁷¹ Thierry Aug. Dix ans..., p. XXIII. М. Петров также отмечал у Минье «редкий систематический ум и... искусство группировать события. По этим качествам он стоит в одном ряду с Гизо, тем более что и слог его, трезвый, точный, математический, напоминает автора „Истории французской цивилизации“» (Петров М. Указ. соч., с. 283). Гуч также говорит, что Минье пользовался репутацией «французского Ранке», оспаривавшего у Гизо «титл крупнейшего французского историка первой половины XIX в.» (Gooch G. P. Op. cit., p. 188).

⁶² Ibid., p. 183.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 218.

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, д. 385.

⁶⁵ Плеханов Г. В. Соч., т. VIII, с. 91, прим. 1.

⁶⁶ Кареев Н. И. Историки французской революции, т. 1. Французские историки первой половины XIX века. Л., 1924, с. 96.

Уже в первой своей исторической работе «О феодализме, учрежденных при святом Людовике и влиянии законодательства этого государя» (1822) Минье утверждал, что с самого начала существования французской монархии «люди меньше управляли вещами (les choses), чем вещи — людьми», «вещи действуют с последовательностью, по необходимости и пользуются людьми как средством и со-бытием как поводом»⁷².

Эту точку зрения Минье последовательно развивал и в своей «Истории французской революции», вышедшей двумя годами позднее. Во введении, которое Альбер Сорель считал одним из шедевров исторической литературы⁷³, он определил так задачи своего исследования: «Я хочу начертить вкратце историю французской революции, начавшей для Европы новую эру... Эта революция изменила не только политическую власть, она изменила все внутреннее состояние нации... Цель была достигнута. Вопреки анархии и вопреки деспотизму, старое общество было разрушено во время революции, а новое утвердилось при империи»⁷⁴. В этом же введении Минье формулировал свое ставшее знаменитым положение: «Было бы смело утверждать, что ход вещей не мог оказаться иным, но совершенно верно, что революция, с причинами, ее вызвавшими, и страстями, ей помогавшими или ею возбужденными, должна была иметь и этот ход, и этот исход»⁷⁵.

Как все буржуазные историки эпохи Реставрации, в особенности Гизо, в меньшей мере Тьерри в первых работах, Минье крайне отрицательно относился к революционной диктатуре якобинцев, к проявлениям народной инициативы. Однако при всем своем враждебном отношении к «multitude» (термин, заменяющий у него народ) Минье — и это требовало известного мужества в год восшествия на престол Карла X, бывшего графа д'Артуа, закоренелого врага революции, — отстаивал закономерность и историческую оправданность действий якобинцев. Несмотря на все свои симпатии к жирондистам, он все же считал их неспособными справиться с трудностями 1792—1793 гг.: «Как могли бы они победить внешних врагов без фанатиз-

ма, обуздать партии без террора, прокормить народную массу без максимума, содержать армии без реквизиции?»⁷⁶. В первых изданиях своей книги Минье утверждал: «Три года диктатуры были потеряны для свободы, но не для революции»⁷⁷. Этот вывод Минье достаточно сопоставить с заявлением его современника Сент-Бева: «Честный человек не мог быть монтаньяром»⁷⁸.

Далеко не всегда последовательно, конечно, но все же достаточно отчетливо подчеркивал Минье роль классовой борьбы в развитии французской революции. Во введении к XII главе (о Директории), подводя итоги шести лет революции, Минье писал, что каждый класс стремился создать удобное ему правительство: «Привилегированные хотели установить свой порядок против двора и против буржуазии, сохраняя сословия и Генеральные штаты; буржуазия хотела установить свой порядок против привилегированных и против народа (la multitude) посредством конституции 1791 г.; а народ хотел установить свой режим против всех посредством конституции 1793 г. ...»⁷⁹.

В этом признании роли классовой борьбы заключалась сильнейшая сторона французских историков 20-х годов. «Со времени введения крупной промышленности... в Англии ни для кого уже не было тайной, — писал Энгельс в «Людвиге Фейербахе», — что центром всей политической борьбы в этой стране являлись стремления к господству двух классов: землевладельческой аристократии (landed aristocracy), с одной стороны, и буржуазии (middle class) — с другой. Во Франции тот же самый факт дошел до сознания вместе с возвращением Бурбонов. *Историки периода Реставрации, от Тьерри до Гизо, Минье и Тьера, постоянно указывают на него как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков*» (курсив наш. — В. Д.)⁸⁰.

Борьба классов, однако, явилась ключом к пониманию не только французской истории, но и судеб ее историографии.

В развитии исторической науки редко бывали течения,

⁷² Цит. по: Бузескул В. П. Указ. соч., с. 827.

⁷³ Sorel A. Nouveaux aspects d'histoire et de critique. Paris, 1898, p. 82.

⁷⁴ Mignet F. Histoire de la révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814. Paris, 1861, vol. I, p. 1—2.

⁷⁵ Ibid., p. 3—4.

⁷⁶ Ibid., vol. II, p. 2.

⁷⁷ Mignet F. Histoire de la révolution française, Bruxelles, 1840, vol. II p. 152 (цит. по: Кареев Н. И. Указ. соч., т. 1, с. 106); см. также: Petit E. François Mignet. Paris, 1889, p. 225.

⁷⁸ Saint-Beuve. Premiers lundis, vol. I, p. 93.

⁷⁹ Mignet F. Histoire de la révolution française, vol. II, p. 170.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 308.

имевшие столь ясное и очевидное классовое направление, как школа французских историков эпохи Реставрации. Гизо определил его совершенно точно, утверждая в одной из своих парламентских речей в 1837 г.: «Я верен политической идее, которая руководила мною всю мою жизнь. Да, сегодня, как и в 1817, как и в 1820, как и в 1830 гг.... я служу всеми своими силами политическому преобладанию средних классов во Франции... окончательному закреплению той великой победы, которую средние классы одержали... между 1789 и 1830 гг.»⁸¹.

Тьерри, Гизо, Минье, Тьер признавали наличие классовой борьбы во Франции между XII и XIX вв. Но смысл всей исторической эволюции они видели именно в том, что эта борьба постепенно уступает место, по словам Гизо, «сосуществованию на законной почве» (*coexistence légitime*). В истории «ни один из классов не мог победить или подчинить себе другие... Классы постоянно боролись и презирали друг друга... и тем не менее постепенно они сближались... Во Франции XVII—XVIII вв. социальное и моральное отчуждение классов было еще очень глубоким, однако нет никаких сомнений в том, что слияние с тех пор чрезвычайно ускорилося... возникла подлинная французская нация, которая не является каким-нибудь одним классом, но включает в себя все классы»⁸². Англия дает наиболее яркий образец того, как следует «щадить все интересы, все силы, примирять их». Отличительная черта английской истории заключается в том, что ни одна из борющихся сил не исчезает полностью, ни одна не одерживает окончательной победы. С известным опозданием такая же эволюция происходит и во Франции: «История Франции уже с XI в. обнаруживает тенденцию к объединению всех социальных элементов. Это основной факт истории французской цивилизации»⁸³.

Основным инструментом постепенного сближения классов, даже их слияния Гизо считал конституционную монархию. Уже в XII в.—вспомним полемику Гизо с Тьерри в 1820 г. по вопросу о роли монархии в «освобождении» коммун — она, по мнению Гизо, становилась «великим мировым судьей в стране»⁸⁴. Чем дальше, тем больше именно

она заставляет все элементы общества «действовать совместно, несмотря на их враждебность»⁸⁵. Так смелая, поражающая современников «конструкция философии истории» Гизо приобретает узкую политическую направленность. Пугас определил ее вполне точно: «Идея, ради которой он в действительности построил всю свою философию истории, начал свои научные занятия, — поставить всю историю на службу представительному правлению, описать всю современную Европу, начиная от ее зарождения, от варварских нашествий, для того, чтобы найти для конституционной монархии вековые права»⁸⁶. Через все бури человечество идет к спасительной гавани представительного правления (конечно, под просвещенным управлением «средних классов»). С этой точки зрения для Гизо июльская революция 1830 г., установление орлеанской монархии и были вступлением в обетованный порт человеческой истории.

Огюстен Тьерри, несмотря на то что в начале 20-х годов явно расходился во взглядах с Гизо⁸⁷, в конце концов приходит к тем же выводам. «Я никогда не рассматривал, — писал он, подводя итоги своего жизненного пути, — революцию 1830 г. как победу одного класса нации над другими классами, но видел в ней завоевание безопасности для всех посредством сохранения и развития конституционного режима»⁸⁸. Никакой попытки классового анализа орлеанской монархии Тьерри не делает — она является для него идеальным государством. По его собственному признанию, он верил, что «с 1830 г. мы вступили в гавань, предуказанную нам шесть столетий назад»⁸⁹. В апреле 1848 г., объясняя свою резко отрицательную по-

⁸⁵ *Ibid.*, p. 257.

⁸⁶ *Pouthas Ch. Guizot pendant la Restauration*, p. 312.

⁸⁷ В 1834 г., перепечатывая в своем сборнике «Десять лет исторических работ» статью 1819 г., содержавшую резко отрицательную характеристику английской революции 1688 г., Тьерри снабдил ее примечанием, в котором подчеркнул отличие французской революции 1830 г. как «национальной» от революции 1688 г. При этом он оговорился: «Впрочем, если бы я и теперь придерживался тех мнений, которые были у меня в 24-летнем возрасте, я, наверное, перенес бы и на эту революцию и ее политические результаты то же пристрастное и презрительное суждение; возраст сделал меня меньшим энтузиастом в отношении идей и более снисходительным по отношению к фактам» (*Thierry Aug. Dix ans...*, p. 102, note).

⁸⁸ *Thierry A. Augustin. Op. cit.*, p. 283.

⁸⁹ *Ibid.*, p. 226.

⁸¹ *Guizot F. Histoire parlementaire*. Paris, 1863, vol. III, p. 74.

⁸² *Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe*, p. 184.

⁸³ *Guizot F. Histoire de la civilisation en France*, vol. II, p. 67.

См. также: *Peuzos Б. Г.* Указ. соч., с. 208.

⁸⁴ *Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe*, p. 236.

зицию по отношению к февральской республике, Тьерри писал, что в 1830 г. осуществились все его «желания и политические мечтания»⁹⁰.

История, однако, меньше всего собиралась задерживаться в «обетованной гавани» Июльскй монархии. Ее установление сопровождалось яростными боями и возникновением новых социальных антагонизмов. Но их природа даже такому проницательному историку, как Огюстен Тьерри, поразительно ясно вскрывшему социальные противоречия во Франции XII в., была совершенно непонятна. «Я ничего не понимал, — признавал он сам, — в той яростной оппозиции, которую очень умные и патриотически настроенные люди противопоставляли самому разумному и наиболее патриотичному из всех королей, которых когда-либо имела Франция»⁹¹.

В развитии французской исторической школы июльская революция явилась рубежом — закончился период ее «величия» и «блеска»; наступил упадок. Ряд виднейших ее представителей, начиная с Гизо, стали «государственными мужами» новой буржуазной монархии. «И зачем его (Гизо. — В. Д.) понесло в министры, — наивно и укоризненно писал в 1831 г. М. П. Погодин. — Министров во Франции много, а историки там рождаются веками. Мне предосадно было»⁹². Правда, 20 лет спустя, уже после свержения монархии, Гизо вернулся к своей научной деятельности, но это был уже совсем не тот Гизо, и Маркс, при всем своем прежнем к нему уважении как к историку, должен был констатировать, что «les capacités de la bourgeoisie s'en vont»⁹³ (таланты буржуазии уходят). Ушел в «государственную» деятельность и Адольф Тьер. «Я боюсь, что в эту зиму, — писал ему в 1838 г. его ближайший друг Ф. Минье, — политика отнимет тебя у истории. По правде говоря, я даже не представляю себе, что может случиться иначе»⁹⁴. И хотя сам Минье предпочел шаткому министерскому креслу более устойчивую карьеру «непрерменно-го секретаря» академии «моральных и политических наук»,

ни его многочисленные эрудированные этюды по истории XVI—XVII вв., ни блестящие, но поверхностные «éloges» — «похвальные слова» умершим и вновь избранным академикам — не стали новым словом в развитии исторической науки. В ней навсегда остался только Минье 1824 г., Минье — автор «Истории французской революции».

Одним из наиболее влиятельных историков во Франции 30-х годов становится Жюль Мишле, опубликовавший в 1833—1843 гг. первые шесть томов «Истории Франции», а в 1847 г. два тома «Истории французской революции». Но взгляды Мишле во многом отличались от взглядов историков эпохи Реставрации, и как раз наиболее сильные стороны их мировоззрения не получили развития в многочисленных работах Мишле.

Свою научную деятельность он начал еще в 20-х годах, когда чрезвычайно увлекся Вико. Июльскую революцию он принял восторженно. Гизо и другие «друзья у власти» обеспечили Мишле и место директора в одной из секций Национального архива, и кафедру в Сорбонне, а потом и в Collège de France. Однако его отношение к этим друзьям — историкам 20-х годов было по существу достаточно критическим. Правда, в 1829 г. он считал «Историю завоевания Англии норманнами» Огюстена Тьерри «самой прекрасной исторической книгой нового времени» и писал ее автору об испытанном им чувстве восхищения: «Вы не нуждаетесь, чтобы неизвестный человек повторил вам то, что твердит вся Европа»⁹⁵. Но уже тогда он относился очень отрицательно к тому, что он называл «расовой теорией» Тьерри, видя в ней проявление «фатализма». Такое же настороженное отношение проявилось у него к Гизо, многие идеи которого он не понял или не оценил.

В 1872 г., подводя итоги своих исследований по истории Франции, он писал о своих предшественниках: «Я начал писать с конца 1830 г... Я столкнулся с рядом великих историков, которых создала эта плодотворная эпоха. Одни из них — политики, люди дел, как Вильмен, Тьер и Ги-

⁹⁰ Ibid., p. 221 («j'avais arrêté à 1830 tous mes désirs et tous mes rêves politiques»).

⁹¹ Ibid., p. 221.

⁹² Барсуков Н. Указ. соч., кн. 3, с. 255.

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 7, с. 227.

⁹⁴ Petit E. François Mignet. Paris, 1889, p. 154.

⁹⁵ Viallaneix P. La voie royale. Essai sur l'idée du peuple dans l'oeuvre de Michelet. Paris, 1959, p. 189—190 (письмо Мишле — Тьерри от 29 марта 1829 г.). Монография Виаллане является лучшим исследованием о Мишле; автор ее использовал ряд фондов недостаточно или вовсе не изученных наиболее авторитетным из биографов Мишле — Моно.

во; они рассказывали факты, но не искали законов, которые ими управляют (упрек в отношении Гизо явно незаслуженный.— В. Д.). Об этих законах истории заботились только Огюстен Тьерри и Минье: фатализм рас, фатализм идей и партий... Политические историки казались мне непоследовательными по отношению к своему собственному принципу: свободная игра человеческой деятельности. С другой стороны, Тьерри со своим расовым фатализмом давал объяснение неполное, не видел за расами климат и местные обстоятельства, создающие и видоизменяющие их. Я понимаю, что... мне многое придется сделать самому, что я вынужден буду копаться до основания»⁹⁶. Эти оценки показывают, что Мишле не понимал сколько-нибудь верно ни Гизо, ни Тьерри.

Его собственная философия истории, изложенная уже в 1831 г. во «Введении к всемирной истории», не отличалась особой глубиной: «Вместе с появлением мира началась война, которая закончится вместе с миром и не раньше: война человека против природы, духа против материи... История только рассказ об этой войне»⁹⁷. В 1871 г. Мишле повторил то же определение истории как «последовательной победы (victoire successive) человеческой свободы над предопределением природы (fatalités de la nature)»⁹⁸.

«История давила на нас как неизбежность, — писал Мишле в 1847 г., — в действительности же историю делаем мы сами, она не является нашим тираном»⁹⁹. Все эти определения делали честь свободолюбию Мишле, ненавидевшему деспотизм с наполеоновских времен, свидетелем которых он был, но они мало чем обогащали научную мысль.

Как раз то, что составляло сильнейшую сторону историков периода Реставрации — признание роли классовой борьбы, — почти полностью отвергалось Мишле, и это особенно наглядно сказалось в его «Истории французской революции». Правда, в ней есть блестящие страницы, которые высоко ценили такие разные люди, как Герцен и Прудон, Жан Жорес и Люсьен Февр. Главное внимание в своей «Истории» Мишле стремился уделить «народу»: «Народ стоял по большей части неизмеримо больше своих вожakov... Самые блестящие ораторы совершенно ошибочно

считаются главными и единственными актерами. Они скорее испытывали влияние, чем оказывали его. Главным актером был народ». Мишле считал, что в истории революции нужно отвести самое скромное место «честолюбивым марионеткам, в действиях которых до сих пор искали смысл скрытой игры истории»¹⁰⁰.

Но в этом «народе» он вовсе не склонен был видеть классовые различия. «Виктор Гюго в истории», автор «лирической эпопеи» Мишле поднимался до подлинного вдохновения, когда описывал те эпизоды, в которых, как ему представлялось, французский народ выступал как единая нация. В предисловии к первому тому своей «Истории революции» Мишле с восторгом писал, что он будет описывать 1789 г., — «священную эпоху, когда вся нация, без различия партий, не зная еще вовсе (или очень мало) классовые противоречия, шествовала под знаменем братства»¹⁰¹.

Мишле упрекал Бюше и Ру, авторов известной «Парламентской истории французской революции», опубликованной в 30-х годах и тщательно изучавшейся позднее Марксом, в том, что они «выдвинули на первый план в истории революции вопросы, которые называют социальными, вечные вопросы, возникающие между собственниками и несобственниками, между богатыми и бедными, вопросы, которые сформулированы сегодня, но которые в революции появляются в других формах, еще смутных и неясных, и занимают второстепенное место» (курсив наш.— В. Д.)¹⁰².

Он отказывается придавать какое-либо самостоятельное значение разгрому мануфактуры Ревельона как выступлению рабочих — «этот класс еще не родился». Авторы «Парламентской истории», по мнению Мишле, не видели главного: «Какой бы голод ни испытывал тогда народ, он подчинил вопросы желудка вопросам идей. Нельзя не заметить, что в самых тяжелых испытаниях революция в принципе была славной умственной революцией, дочерью философии, а не дефицита. У дверей булочных, как и у входа в собрание, гораздо больше говорили о вето, чем о голоде»¹⁰³.

¹⁰⁰ Michelet J. Histoire de la révolution française. Paris, 1847, vol. I, p. XVIII.

¹⁰¹ Ibid., p. XIX.

¹⁰² Ibid., p. 548.

¹⁰³ Ibid., p. 552—554 («...la Révolution était, dans son principe, glorieusement spiritualiste, fille de la philosophie et non pas d'un déficit»).

⁹⁶ Viallaneix P. Op. cit., p. 191.

⁹⁷ Michelet J. Introduction à l'histoire universelle. Paris, 1831, p. 5.

⁹⁸ Viallaneix P. Op. cit., p. 247, note 84.

⁹⁹ Ibid., p. 183.

С точки зрения Мишле, разделение на классы является «неопределенным, временным, во всяком случае пагубным». Энтузиазм вызывает у него ночь 4 августа: «После этой чудесной ночи нет больше классов, а только французы; нет провинций — только одна Франция»; в эту ночь отмирающее (expirante) дворянство дало «великий пример буржуазной аристократии»¹⁰⁴. Между тем еще за полвека до Мишле, сейчас же по следам событий, Бабеф очень трезво и точно определил эту ночь как «мнимую ликвидацию феодализма».

«История французской революции» Мишле — несмотря на блестящие главы о роли парижских секций, на все стремление писать историю революции «снизу», а не как парламентскую историю — мало чем могла содействовать пониманию подлинных социально-экономических, классовых пружин революции, как и всей истории Франции. В этом отношении по сравнению с Гизо и Тьерри он делает значительный шаг назад. Во всяком случае труды Мишле ничего не могли дать для формирования материалистического понимания истории — и не случайно о них не упоминают ни Маркс, ни Энгельс.

Из всей плеяды историков 20-х годов наиболее верным своим взглядам оставался Огюстен Тьерри. Правда, «дружба у власти» не слишком великодушно с ним поступили: Гизо и Тьер были уже министрами, Минье получил пост «шостоянного секретаря» академии, а Тьерри все еще оставался в униженном положении ожидающего очереди. 25 марта 1834 г., почти через четыре года после июльской революции, Шатобриан сочувственно писал ему: «Увы, вы испытываете то, что приходится испытывать всем людям: ваши друзья, обласканные счастьем, стали рассеянными... Но какой позор для Франции, что человек с вашими достоинствами лишен возможности продолжать свои труды, тогда как низких и посредственных людей осыпают золотом, постами и почестями»¹⁰⁵. Был момент, когда глубоко оскорбленный Огюстен Тьерри грозил, что ему придется обратиться к своему брату Амедею Тьерри (тоже историку, сразу после революции назначенному префектом) с просьбой о выдаче «свидетельства о бедности» (certificat

¹⁰⁴ См. новейшее издание: *Michelet J. Episodes de la révolution française.* Paris, 1966, p. 61—64.

¹⁰⁵ *Thierry A. Augustin.* Op. cit., p. 296 (annexes).

d'indigence). Преисполненный горечи, Тьерри писал тогда, что история — это «гнилая лодка, которая потопила своего хозяина»¹⁰⁶.

Дело объяснялось не только слепотой историка: все последующее показало, что он сохранил свой талант и работоспособность. Свидетельством этому явились «Рассказы из меровингских времен», «Размышления об истории Франции» и коронный труд Тьерри «История происхождения и успехов третьего сословия». Доктринер и формалист Гизо считал невозможным допустить Тьерри к преподаванию в высшей школе, поскольку он не прошел некоторых формальностей (не получил agrégation — права на преподавание в высшей школе), хотя тот же Гизо, предлагая Тьерри написать школьный учебник по истории Франции, подчеркивал не без тщеславия: «Между нами, я не знаю никого, кроме вас и меня, кто мог бы хорошо это сделать»¹⁰⁷. В конце концов вопрос был урегулирован. Гизо создал в 1834 г. комиссию по собиранию документов по истории Франции, прежде всего по истории третьего сословия, и Тьерри было поручено заниматься этой его любимой темой. Она отняла у него почти два десятилетия.

Но именно Тьерри, наиболее последовательному из историков, взгляды которых сложились в эпоху Реставрации, пришлось пережить моральную катастрофу: ход исторического развития оказался вовсе не таким, каким он его себе представлял. Буржуазная ограниченность мировоззрения жестоко за себя отомстила. Но у одного Тьерри хватило мужества, как мы сейчас увидим, признать свою неудачу.

Всех историков Реставрации — Гизо, Тьерри, Минье и Тьера — отличала одна общая черта: резко выраженное недоверие к инициативе народных масс, чрезвычайно отрицательное отношение к тому короткому периоду в истории Франции, когда «чернь» диктовала свою волю. Страстные защитники 1789 г., они ненавидели 1793 г. Все они могли объяснить и даже в какой-то мере признать историческое значение этой эпохи, но повторения ее они не хотели ни в коем случае. В предисловии к «Десяти годам исторических работ» Тьерри признавался: «К ненависти по отношению к военному деспотизму... к режиму империи у меня присоединялось глубокое отвращение к ре-

¹⁰⁶ Ibid., p. 131.

¹⁰⁷ Ibid., p. 128.

волюционной тирании» (курсив наш.— В. Д.)¹⁰⁸. Гизо даже в своей лучшей и наиболее либеральной работе «История цивилизации в Европе» требовал «не умалчивать» об «ошибках и тирании... примешавшихся к триумфу человеческого разума в конце прошлого века»¹⁰⁹. В низших классах он видел воплощение «всей человеческой подлости»¹¹⁰.

Вся эта группа историков считала, что установление конституционной монархии в 1830 г. (подобно «славной революции» 1688 г. в Англии) дает возможность навсегда предотвратить какие бы то ни было новые революционные взрывы. Именно в таком настроении спокойно и уверенно работал Тьерри в 30—40-х годах над «Историей происхождения третьего сословия». «С точки зрения нашей национальной истории, как она представлялась в эти годы,— писал позднее, в 1853 г., Тьерри в предисловии к этой книге,— историк, окидывая взором семивековой период и возвращаясь к окружающим явлениям, замечал правильное развитие гражданского и политического прогресса, а на двух концах пройденного пути видел одну и ту же нацию, одну и ту же монархию, связанными между собой, вместе видоизменяющимися, причем последующие изменения, казалось, освещены были новым договором единения. С этой точки зрения история Франции поражала красотой единства и простоты; я живо чувствовал величие подобного зрелища, и под его впечатлением я задумал соединить в одно цельное изложение факты, отмечающие на протяжении веков постепенное развитие третьего сословия, его темное начало, его медленное, но постоянное воздействие на социальную жизнь страны, союз между национальной традицией и признанием свободы. На эту точку зрения, которая была мне указана самим ходом вещей, я и стал в своем труде... веруя, что перед моими глазами открывается провиденциальное завершение труда веков, начиная с XII столетия. Весь отдавшись своему делу...

¹⁰⁸ *Thierry Aug. Dix ans...*, p. II, VIII.

¹⁰⁹ *Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe*, p. 358. И в своих характеристиках населения средневековых городских коммун, и в истории английской революции Гизо неизменно с отвращением подчеркивает «все пороки», свойственные «черни», присущий ей дух «слепоты, разнузданности, жестокости».

¹¹⁰ См.: *Бузескул В. П.* Указ. соч., с. 808; см. также у Тьера: «...низкая чернь, всегда готовая оскорблять гений, добродетель; беда, когда ее к этому призывают» (*Thiers A. Histoire de la révolution française*, t. II, p. 293):

я спокойно подходил к эпохе XVIII в., вызвавшей столько споров»¹¹¹. Но тут случилось нечто, совершенно не предвиденное историком, опрокинувшее всю его концепцию исторического развития: «Над нами разразилась катастрофа февраля 1848 г. Я был потрясен ею вдвойне, как гражданин, во-первых, и затем как историк. Силой этой новой революции, исполненной того же настроения и тех же угроз, что и первая в свои худшие моменты, история Франции, казалось, была опрокинута так же, как и сама Франция» (курсив наш.— В. Д.)¹¹².

Тьерри был поражен прежде всего силой классового антагонизма между буржуазией и пролетариатом, так как это противоречило всей схеме его и Гизо о неизбежности сближения прежде враждовавших между собой классов. Он обвинил поэтому «системы» (в первую очередь социалистические), «которые стремятся разделить на взаимно враждебные классы массу нации, ныне единую и однородную»¹¹³.

Крупнейшая, непреходящая заслуга французских историков эпохи Реставрации состояла в том, что они вскрыли антагонизм между буржуазией и феодальным дворянством. Но сделать следующий шаг помешала им буржуазная ограниченность. К социализму бывший ученик Сен-Симона относился с яростной враждебностью, боялся дожить до победы социалистов. «Что касается меня лично,— писал он в апреле 1848 г. своей близкой приятельнице, итальянке княгине Бельджозо,— то я предпочитаю, чтобы господь убрал меня из этого мира хотя бы от руки этих жестоких фанатиков»¹¹⁴.

Потрясенный не предвиденным им ходом событий, О. Тьерри в полном смятении писал в 1850 г. Анри Бодрильону: «Вопрос о судьбах третьего сословия является узловым во всей нашей истории, и он казался мне до последнего времени совершенно ясным и неоспоримым: я разглядел тайну замыслов провидения по отношению к нам. Сейчас, я признаюсь, меня одолевают сомнения... Как с прежней уверенностью продолжать писать историю до 1789 г., историю, которую я довел от XII в. до царствава-

¹¹¹ *Тьерри О.* История происхождения и успехов третьего сословия/ Вступит. ст. Р. Ю. Виппера. М., 1899, с. 33—37.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ *La princesse Belgiojoso et Augustin Thierry.*— *Revue des deux mondes*, 1921, p. 371.

ния Людовика XIV... На чем теперь может покоиться уверенность в судьбах Франции, которую я полагал в союзе монархической традиции с принципами свободы, в конституционном правительстве? Вот сомнения, которые все больше меня охватывают и которые сменили мою прежнюю неизблемую веру»¹¹⁵.

Но Тьерри ожидал еще один исторический переворот, который он тяжело перенес, — установление Второй империи. Выросший в обстановке ненависти к деспотизму Наполеона, несмотря на все его триумфы, он относился с величайшим презрением к его жалкому преемнику. Крушение представительного режима он переживал чрезвычайно глубоко. В 1852 г. он писал: «Наконец, конституционная свобода, этот культ всех честных умов... исчез в том же кораблекрушении, что и демократические свободы, анархия и социализм 1848 г.... Я видел, как исчез парламентский режим — эта мечта моей молодости, предмет всех моих желаний как публициста». Как ни радовала Тьерри ликвидация социальной опасности, угрожавшей собственнической Франции, он никак не мог примириться с уничтожением политической свободы: «Я нахожусь в положении человека, жизнь которого спасена, но который чувствует, что он потерял все, что придавало цену его жизни»¹¹⁶.

Подлинным реквиемом, признанием крушения всех его исторических представлений является письмо Тьерри, написанное в октябре 1852 г., накануне провозглашения империи: «Мы приближаемся галопом к империи; нация уже закусила удила. Я не пророк, но на другой день после 24 февраля я сказал, что таков будет исход этого печального и невероятного безумия французской республики. Возможно, что ремесло историка меня обманывает, но я вижу во всем доказательство всемогущества истории по отношению к человеческим судьбам, которые, как многим казалось, управляются чистым разумом и логикой».

Так рушилась вся историческая концепция человека, который 30 лет назад уверенно поднимал знамя «исторической реформы». «Непредвиденная катастрофа (революция 1848 г. — В. Д.) отрезала нас от всей нашей великой истории, истории, длившейся восемь столетий; мы не мог-

ли к ней вернуться... мы пришвартовались к маленькой истории, к истории консульства и империи, и мы зацепились за нее со всем неистовством утопающих... Я могу остаться только таким, каким вы меня видели: приверженцем и плакальщиком по 1830 г.»¹¹⁷ В развитии исторической мысли мы знаем еще только одно такое же потрясающее признание краха всех своих исторических предвидений — Фридриха Майнеке в 1945 г.!

Установление империи привело Тьерри в совершенно подавленное состояние. Он писал княгине Бельджозо, бежавшей от итальянской реакции в Малую Азию: «Вы находитесь в пустыне и вы любите ее с непонятным для меня упорством; у меня пустыня внутри меня самого. В настоящем нет ничего, за что я мог бы уцепиться, и — увя! — ничего в будущем: я с трудом влачу свои дни»¹¹⁸. Тьерри не мог больше продолжать свой труд, он его оборвал и издал незавершенным: «Я приостановил свой труд, — писал он во введении к «Происхождению», — чувствуя упадок духа, который легко понять, и история, доведенная мною до конца царствования Людовика XIV, не пошла дальше»¹¹⁹.

Как раз тогда, когда перо выпало из рук Тьерри, Марк писал свои знаменитые работы «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В развитии исторической мысли открылась новая блистательная страница. Материалистическое понимание истории нашло замечательное подтверждение в ходе тех самых событий 1848—1851 гг., которые разрушили концепцию историков эпохи Реставрации.

¹¹⁷ Ibid., p. 857—858.

¹¹⁸ Ibid., p. 859.

¹¹⁹ Тьерри О. История происхождения..., с. 37.

Некоторые тематически связанные материалы

Б. Реузов. Французская романтическая историография. 1815-1830
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p110912249.htm>

М. Алпатов. Политические идеи буржуазной историографии XIX в. (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ж. Мишле, А. Токвиль, И. Тэн и др.)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81345698.htm>

Работы о Тьерри <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#thierry>

Работы о Гизо <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#guizot>

¹¹⁵ Thierry A. Augustin. Op. cit., p. 226.

¹¹⁶ La princesse Belgiojoso et Augustin Thierry. — Revue des deux mondes, 1925, p. 852—853.